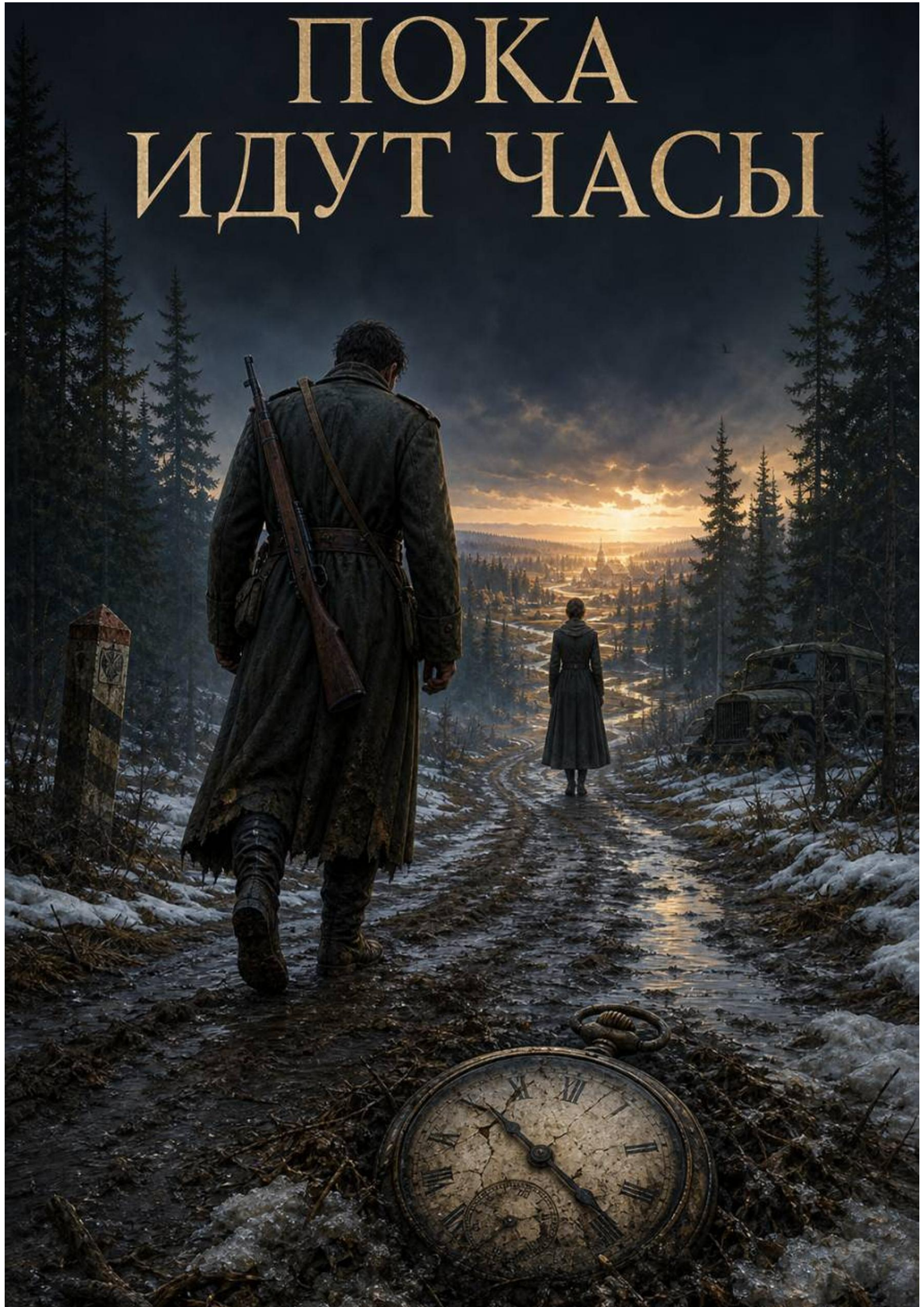

ПОКА ИДУТ ЧАСЫ

Евгений Праткин

Пока идут часы

«Автор»

2026

Праткин Е. А.

Пока идут часы / Е. А. Праткин — «Автор», 2026

Война с некромантами закончилась, но бывший офицер Тихон так и не вернулся к мирной жизни. В родной деревне его ждут лишь пепелище, голоса погибших товарищей и часы, остановившиеся в миг смерти лучшего друга. Не зная, куда идти дальше, Тихон встречает Варвару — высокомерную столичную беглянку, скрывающую настоящее имя и опасный дар. Ей нужен проводник через послевоенное Приграничье, ему — причина продолжать путь. Вместе они отправляются сквозь таёжные леса, опустевшие деревни и земли, помнящие древнее зло. «Пока идут часы» — тревожная северная сказка о вине и милосердии, любви и доверии, поиске предназначения и доме, который иногда приходится создавать своими руками.

© Праткин Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 - Обратная дорога	5
Глава 2 - Пепелище	8
Глава 3 - Остановившиеся часы	13
Глава 4 - Царица	20
Глава 5 - Медведь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Евгений Праткин

Пока идут часы

Глава 1 - Обратная дорога

Война закончилась во вторник.

Об этом объявили утром, перед самым отправлением состава. Сначала громкоговоритель над станционным баракком долго шипел и потрескивал, будто не решался произнести такие слова. Потом незнакомый сухой голос прочитал постановление церковного совета, сообщил об окончательной победе и велел сохранять порядок. Будто после стольких лет мы только и ждали случая его нарушить.

Никто не закричал. Кто-то перекрестился, кто-то сел прямо на землю и принялся молча затягивать шнурки на сапогах. Капрал из сапёрной роты засмеялся, но быстро перестал и оглянулся, словно боялся, что его услышат погибшие. Я тоже не сразу понял, что следует делать. Посмотрел на часы, хотя заранее знал, что увижу: стрелки по-прежнему показывали без семи минут четыре.

Состав довёз меня до последней северной станции к вечеру четверга. Дальше железная дорога поворачивала к Столице, а мне нужно было туда, где рельсов не осталось ещё до войны. Мы с поездом расстались без сожаления. Он был набит людьми, шинелями, мешками, костылями, жестяными кружками и тяжёлым молчанием. Четыре дня мы ехали бок о бок, но почти не разговаривали. Каждый боялся спросить соседа, куда тот возвращается и осталось ли там кому его встретить.

Я спустился на перрон последним. Левая нога неудачно попала на край железной ступеньки, и от колена к бедру прошла знакомая горячая боль. Пришлось ухватиться за поручень и замереть. Я сделал вид, будто просто решил осмотреть станцию, хотя смотреть особенно было не на что: низкое деревянное здание с заколоченным окном, почерневший водонапорный бак, поленница под мокрым брезентом и длинная платформа, по краям которой сквозь щели уже пробивалась молодая трава.

Из окна вагона на меня смотрел молодой солдат. Совсем мальчишка — узкое лицо, большие уши, на подбородке редкий светлый пух. Форма на нём была старая, рукав успели дважды заштопать, а церковная кокарда держалась на проволоке. Я хотел сказать ему что-нибудь подходящее. Что всё кончилось. Что теперь будет легче. Что дома его обязательно ждут. Но за последние годы я слишком часто говорил людям то, чего не мог знать, поэтому только кивнул. Мальчишка кивнул в ответ и исчез в глубине вагона.

Поезд дёрнулся, тяжело загремел сцеплениями и медленно пополз вдоль платформы. Пар из-под колёс лёг на землю, закрыл сапоги и на несколько мгновений сделал станцию похожей на место из сна. В окнах проплывали лица. Некоторые смотрели вперёд, некоторые спали, прислонившись лбом к стеклу. Один безрукий солдат пытался открыть зубами кисет. Потом потянулись товарные вагоны, санитарный крест на последнем составе и красный фонарь. Он долго дрожал между рельсами, становился всё меньше, а затем скрылся за поворотом.

Когда исчез фонарь, стало тихо. Не той тишиной, что бывает перед атакой, когда каждый шорох кажется предупреждением, а обычной весенней тишиной: с крыши капала вода, под платформой журчал талый снег, где-то за складом ворона клевала жестяную банку. Пахло мокрыми шпалами, угольной гарью и открывшейся после зимы землёй. Над кассой висела доска с расписанием. Половину названий перечеркнули, а рядом неровными буквами написали мелом: «До восстановления пути».

Под навесом стояла женщина в сером платке. Возле неё вертелись двое детей — девочка постарше и маленький мальчик в чужом, слишком длинном пальто. Увидев мою винтовку, мальчик перестал ковырять носком сапога грязный снег и спрятался за материнскую юбку. Женщина притянула его к себе, быстро посмотрела на мои погоны и отвернулась.

Я подумал, что надо было сдать оружие. Потом решил, что сдам его в деревне. И только после этого вспомнил: в деревне, возможно, уже некому его принимать.

Станционный смотритель появился, когда я поправлял ремень вещевого мешка. Был он маленький, круглый и такой чистый, будто война уважала его должность и обходила стороной. На фуражке сияла церковная кокарда, сапоги были начищены, а воротник застёгнут до самого подбородка. Он несколько секунд рассматривал меня, задержав взгляд на винтовке и левой ноге.

— Далеко? — спросил он.

— До Берёзового увала.

Голос после болезни прозвучал хуже обычного — будто слова прошли через ржавую трубу. Смотритель поднял брови и взглянул на дорогу, уходящую за станционные склады.

— Пешком?

— Дорогу знаю.

— Дорогу-то, может, и знаете. Она вас знает — вот вопрос.

Я посмотрел на него внимательнее. Он кашлянул, провёл пальцем по козырьку и отвёл глаза в сторону леса.

— Размыло там всё. Мост возле Чёрной речки снесло. Ночью вода поднялась, две опоры выворотила. Обходить придётся через старую заставу.

— Обойду.

— В форме далеко не ходите.

— Почему?

Смотритель пожал плечами, словно удивился, что приходится объяснять очевидное.

— Война кончилась.

Он сказал это тихо. Без радости и без угрозы. Я поблагодарил его и пошёл к выходу, но на краю платформы остановился. По привычке захотелось пересчитать имущество: винтовка, тридцать два патрона, шинель, котелок, нож, две пары портянок, сухари, соль, спички, фляга. Затем проверить дорогу, выбрать порядок движения, назначить передового и замыкающего.

Назначать было некому.

— Дожили, командир, — сказал Саня. — Теперь сам у себя в подчинении.

Я обернулся. Под навесом никого не было, кроме женщины с детьми. Смотритель уже скрылся в здании. Вдоль пустых рельсов бежал ветер, гоняя обрывок старой газеты. Бумага цеплялась за камни, взлетала и снова падала, точно никак не могла выбрать направление.

— И хорошо, — ответил я.

Женщина в сером платке посмотрела на меня, прижала детей к себе и поспешно повела их к станционному зданию.

За станцией начиналась дорога домой. Она шла между почерневших сугробов, огибала старые склады и исчезала в тёмной полосе леса. Когда-то здесь стоял указатель с названием нашей деревни, но теперь от него остался только столб. Доску то ли сорвало ветром, то ли пустили на растопку. Я задержался возле столба, провёл ладонью по сырому дереву и двинулся дальше.

Первые несколько вёрст идти было легко. Подмёрзшая за ночь грязь ещё держала сапог, солнце стояло низко и холодно светило сквозь голые берёзовые ветви. В стороне от дороги темнели ели, тяжёлые от старого снега. Иногда с них срывались целые пласты, падали с глухим вздохом и рассыпались по хвое. В низинах уже стояла вода. В ней отражалось бледное небо, и прошлогодняя трава казалась тонкими трещинами на стекле.

К полудню земля оттаяла. Колея наполнилась бурой водой, сапоги начали вязнуть, а каждый неровный шаг отзывался под коленом тупой болью. Я не торопился. До деревни оставалось меньше двух дней, а после четырёх лет два дня нельзя было считать расстоянием.

За первым большим поворотом мне почудился дым. Тонкая синяя полоска поднялась над елями и растаяла прежде, чем я успел определить, откуда она идёт. Наверное, кто-то жёт сырой валежник. Может, лесники расчищали просеку или путники остановились на привал. Но я подумал о нашей печи.

Мать всегда топила её слишком жарко. Отец открывал дверь и ворчал, что в доме не баня, а потом садился ближе всех к огню. На лавке лежал его старый ватник, пропахший дымом и лошадьё. На окне остывал хлеб, а под столом ждал крошек рыжий пёс соседей, который почему-то большую часть жизни проводил у нас. Я представил, как войду, поставлю мешок у порога и услышу, что натоптал. Потом отец заметит мою ногу, но ничего не спросит. Мать потрогает рукав шинели, словно проверяя, настоящий ли я.

Я знал, что отца нет уже третий год. О матери известий не было с прошлой осени. Но дорога была знакомой, снег таял как прежде, и потому мысли сами складывали дом из того, что помнили. Я не мешал им. Человеку иногда надо немного пройти рядом с тем, чего больше нет.

Лес постепенно подступил к дороге. Берёзы сменились соснами, между стволами легли глубокие синие тени. Здесь снег ещё не начал отступать и лежал ровными плотными пластами, только вокруг деревьев открылись тёмные круги земли. Где-то в чаще дробно стучал дятел. Ему отвечало далёкое потрескивание льда на реке. Звуки были мирные, но тело отказывалось им верить. Я замечал каждый сломанный сучок, каждое движение между стволами, каждый тёмный бугор у обочины.

Возле молодой сосны лежала проржавевшая каска. Чуть дальше из снега торчал обгоревший кузов грузовика. Кабину разорвало, колёса сняли, а внутри успела вырасти тонкая берёзка. Её ветви были красноватыми, ещё голыми, но на концах уже набухали почки.

Я подошёл ближе. На металле сохранилась выцветшая эмблема церковной армии. В кабине лежала кружка без ручки, припаянная морозом к полу. Никаких останков не было, и всё же я снял фуражку.

— Не наши, — сказал Саня.

— Теперь какая разница?

— Раньше была.

— Раньше много чего было.

Я надел фуражку и продолжил путь. За спиной тихо звякнул металл — наверное, с крыши грузовика упал кусок льда. Я не обернулся.

К вечеру небо затянуло. Свет стал серым и ровным, а лес — ближе. В воздухе запахло новым снегом, хотя с веток продолжала капать вода. На стволах появились старые военные метки, почти смытые дождями: направление к укрытию, вода, опасный участок. Я узнавал их раньше, чем успевал прочитать. Возле одной сосны рука сама поднялась, приказывая остановиться.

Я замер.

Позади никого не было. Впереди дорога уходила между тёмных стволов, покрытая водой и прошлогодней хвоей. С ветки сорвалась тяжёлая капля, упала на сухой лист и заставила его вздрогнуть.

— Свободен, командир, — сказал Саня.

— Знаю.

— По тебе не скажешь.

Я опустил руку и пошёл дальше, стараясь не хромать. Хотя смотреть на меня было некому.

Глава 2 - Пепелище

До старой заставы я добрался уже в темноте. От дороги к ней отходила узкая просека, заросшая молодым осинником, и, если бы не выцветшая церковная метка на сосне, я бы прошёл мимо. Заставу оставили, должно быть, ещё прошлой осенью. Ворота лежали в снегу, караульная вышка накренилась, а на крыше казармы чернела дыра. Ветер залетал в неё и шевелил оторванные листы жести.

Внутри пахло сыростью, мышами и старой золой. На нарах осталась солома, под стеной стояла буржуйка, а над дверью висела деревянная табличка с вырезанными словами: «Свет помнит дорогу каждого». Кто-то пытался снять её, но не сумел выдернуть один гвоздь и оставил висеть боком. Я поправил табличку, хотя сам не знал зачем, затем осмотрел комнаты, проверил окна и только после этого позволил себе снять мешок.

На полу возле буржуйки валялись пустая пачка патронов, две ложки и обломок карандаша. На стене солдаты записывали даты, имена и названия деревень. Одни строки были выведены аккуратно, другие нацарапаны остриём ножа. Почти все заканчивались одинаково: «ушёл домой», «ждёт мать», «вернусь к жатве». Под последней надписью кто-то приписал углём: «Если дом дождётся».

Я развёл огонь, вскипятил воду и съел сухарь, размочив его в кружке. Место напротив оставил свободным. За стенами скрипели сосны, с крыши стекала вода и шлёпала на землю с таким размеренным звуком, будто кто-то ходил вокруг казармы и останавливался под каждым окном. Я несколько раз прислушивался, но вставать не решался.

Саня не пришёл. Или пришёл, но сидел тихо.

Ночью мне снилась деревня. Во сне я видел её с высоты — все дома сразу, будто смотрел с церковной колокольни. На улице лежал чистый снег без единого следа, из труб поднимался дым, в окнах горел свет. Я знал, что внутри есть люди, но сколько ни ходил от дома к дому, двери не открывались. Я стучал, звал, заглядывал в окна, а за стёклами находил только пустые комнаты. В нашем доме за столом сидел отец. Он держал перед собой раскрытую газету и не поднимал головы.

— Я вернулся, — сказал я.

Он перевернул страницу.

— Где мать?

Отец не ответил. Я подошёл ближе и увидел, что газета в его руках сгорела, но всё ещё сохраняла форму. Тогда в доме распахнулись окна, пепел поднялся над столом и закружился по комнате.

Я проснулся до рассвета. Огонь в буржуйке погас, шинель отсырела, а левая нога задубела так, что пришлось долго растирать колено ладонями. За окном серело небо. Ночной холод стянул лужи тонким льдом, однако под ним уже двигалась вода. Весна ждала солнца, чтобы снова приняться за своё.

Я собрал вещи, затоптал золу и проверил, не оставил ли чего-нибудь. Перед уходом ещё раз посмотрел на солдатские надписи. Нашёл свободное место и поднял обломок карандаша, но писать не стал. Выбросил его в холодную печь и вышел.

От заставы дорога поднималась на увал. За ним начинались знакомые места. Я узнал их не сразу: война повалила деревья, разрыла землю и проложила новые колеи там, где раньше не было даже троп. Но под изменившимся проступало прежнее. Вот камень, на который мы мальчишками забирались смотреть грозу. Вот кривая сосна над оврагом. Вот низина, где отец однажды потерял колесо от телеги и потом целое лето поминал эту дорогу недобрым словом.

Чем ближе становилась деревня, тем быстрее я шёл. Нога болела, сапог скользил по подтаявшему насту, ремень винтовки натирал плечо, но остановиться я уже не мог. Мне всё время казалось, что с вершины следующего подъёма покажутся крыши. Сначала крайняя баня, потом колокольня, затем наш дом возле старой берёзы.

Я представлял, как войду в деревню. Надо было решить, к кому идти первым. Если мать дома — к ней. Если её нет, к старосте. Возможно, людей переселили на время боёв, а потом они вернулись. Возможно, письма просто не доходили. Возможно, отец погиб, но дом уцелел. Возможно, мать живёт у соседей, потому что одной тяжело топить печь.

Человек способен сложить целую жизнь из одного слова «возможно», если не смотреть слишком далеко вперёд.

У последнего поворота я заметил ворон. Они сидели на берёзах и тёмными комьями висели среди голых ветвей. Десятки птиц смотрели в одну сторону, не каркали и не перелетали с места на место. Я остановился. Ветер шёл мне в лицо, пах мокрой корой и чем-то ещё — знакомым, тяжёлым, хотя с тех пор прошло много месяцев.

Гарью.

Я поднялся на увал.

Берёзовый увал лежал внизу, на берегу небольшой реки. Когда-то от этого места были видны крыши, огороды и белая церковь посреди деревни. Теперь из земли торчали чёрные печные трубы. Некоторые стояли ровно, другие наклонились, словно устали ждать хозяев. От церкви осталась половина колокольни. Крест исчез, крыша провалилась, а колокол лежал рядом в снегу, тёмный и маленький с такого расстояния.

Я смотрел вниз и пытался сосчитать дома. Это было глупо: домов не осталось. Но я всё равно искал наш. Между трубами угадывались улицы, возле реки чернели остатки мельницы, на краю деревни лежал перевёрнутый трактор. Я нашёл старую берёзу и понял, где должен стоять дом.

Там ничего не было.

Саня подошёл слева. Я не повернул головы, но почувствовал, что он рядом. Так бывало на передовой: иногда человека ещё не видишь, а уже знаешь, кто занял место возле плеча.

— Пришли, — сказал он.

— Пришли.

— Спустимся?

— Подожди.

Мы стояли на увале. Ветер трогал полу шинели, шевелил ветви и гнал по дороге прошлогодние листья. Внизу одна из ворон снялась с берёзы, сделала круг над деревней и снова села почти на то же место.

Я ждал, что внутри что-нибудь изменится. Что придут горе, ярость или хотя бы страх. Но внутри было тихо, как на станции после ушедшего поезда. Только нога перестала болеть. Я чувствовал её всю дорогу, а теперь будто оставил где-то позади.

— Спустимся, — повторил Саня.

На этот раз я пошёл.

Дорога в деревню сохранилась лучше, чем я ожидал. По ней недавно проезжала телега: в грязи остались две глубокие колеи и следы маленькой лошади. Значит, здесь бывали люди. Эта мысль заставила меня ускорить шаг.

Первой стояла кузница. Вернее, каменное основание и часть стены. В углу сохранился горн, наполненный дождевой водой. На поверхности плавали щепки и прошлогодние листья. Я помнил, как кузнец Фёдор прогонял нас отсюда, а потом сам разрешал качать мехи, если работа была нетрудная. Его молот лежал возле стены. Рукоять обгорела, железо покрылось ржавчиной. Я поднял его, очистил большим пальцем и поставил на уцелевший камень.

За кузницей начиналась улица. Война прошла по ней дважды: сначала огнём, потом людьми. Всё, что могло пригодиться, давно унесли. С печей сняли заслонки, из развалин вытащили железо, доски и даже целые кирпичи. Снег скрывал мелкие вещи, а крупные лежали на виду: обод детского колеса, дверца шкафа, эмалированный таз с пробитым боком. На яблоне возле бывшего дома Мироновых висела обгоревшая детская рубашка. Ветер шевелил рукав, будто кто-то маленький махал мне издалека.

— Есть кто живой? — крикнул я.

Осипший голос прозвучал негромко, но в пустой деревне его подхватили стены и печные трубы.

— Кто живой?

Ответа не было. Вороны разом поднялись с берёз, заполнили небо, покружили и опустились дальше, к реке.

Я пошёл к церкви. Дверей не осталось, одна стена обрушилась внутрь. Среди обгоревших балок виднелся алтарный камень, расколотый надвое. На уцелевшей части стены сохранился лик святого — потемневший, с выбитым глазом. Под ним кто-то устроил временное место памяти: поставил деревянную чашу, несколько оплывших свечей и три маленькие иконки. Значит, после пожара сюда приходили.

За церковью я увидел могилы.

Их было две длинные, общие, обнесённые низкой изгородью из сырых жердей. Земля просела, кресты наклонились после зимы. К одному привязали жестяную табличку с именами. Буквы проржавели, некоторые строки невозможно было разобрать.

Я снял перчатку и провёл пальцем по металлу. Начал читать сверху.

Фамилии были знакомые. Кузнец Фёдор с женой. Староста. Учительница, у которой я до двенадцати лет путал буквы. Соседи. Люди, чьи лица я мог вспомнить, стоило закрыть глаза. Возле некоторых имён стояло сразу по четыре или пять человек одной семьи.

Отца в списке не было. Он умер раньше и лежал на старом кладбище. Материного имени я тоже не нашёл.

Перечитал всё ещё раз. Потом третий.

— Не значит, — сказал Саня.

— Вижу.

— Может, ушла.

— Может.

Слово прозвучало пусто. До этого оно держало на себе целый дом, а теперь не могло удержать даже собственный смысл.

Я обошёл могилы. Вторая табличка лежала в снегу. Пришлось отбросить его сапогом, наклониться и поднять железный лист. Под ним обнаружился небольшой деревянный крест без имени. Он сгнил у основания и упал, хотя земля ещё была мёрзлой.

Надо было сначала дойти до дома. Проверить погреб, сарай, колодец, соседние дворы. Найти следы. Решить, что делать дальше.

Вместо этого я снял вещевой мешок, положил винтовку на сухое место и принялся поправлять крест.

Ножом очистил сгнившую древесину, вырубил новое углубление и укрепил основание камнями. Потом выровнял остальные кресты. Натянул провисшую жердь. Поднял табличку, протёр её снегом и прикрепил проволокой. Работы было на полчаса, но я возился до тех пор, пока изгородь не стала ровной.

Саня сидел на ограде и наблюдал.

— Красиво, — сказал он.

— Держаться не будет.

— Всё равно красиво.

— Весной земля уйдёт. Переделывать надо.

— Переделаешь.

Я ничего не ответил. Поднял мешок, забросил винтовку на плечо и пошёл к нашему дому.

Старая берёза уцелела. Ствол с одной стороны обгорел, несколько ветвей были сломаны, но верхушка оставалась живой. На ней уже набухли почки. Дом исчез почти полностью. Печь рассыпалась, половина фундамента ушла в землю, а там, где находилась кухня, лежала груда мокрых брёвен. За ними сохранился погреб — дверца сорвана, ступени завалены.

Я остановился возле калитки.

Сама калитка лежала в стороне, но два столба ещё стояли. В детстве я вырезал на одном отметки роста. Сначала отец ставил ножом зарубки, потом я продолжил сам, хотя расти почти перестал. Нижнюю часть столба обожгло, верхняя сохранилась. Я нашёл последнюю отметку и приложил к ней ладонь. Она доходила мне до плеча.

— Вырос, — сказал Саня.

— Не особенно.

— Смотря с чем сравнивать.

Я вошёл во двор. Обошёл развалины, осторожно переворачивая доски. Нашёл чугунок, железную кочергу и отцовский сапожный молоток. Под обрушенной стеной лежали остатки сундука. Дерево размокло и разошлось по волокнам, замок был открыт. Внутри не осталось ничего, кроме мокрых тряпок и нескольких листов бумаги, превратившихся в серую массу.

Возле печи я увидел маленького деревянного коня.

Одна нога отломилась, бок почернел от огня, но красная краска на гриве сохранилась. Отец вырезал его, когда мне было шесть или семь лет. Конь стоял на полке много зим, потом куда-то исчез, и я решил, что мать выбросила его вместе с другим детским хламом.

Я поднял игрушку. Дерево было влажным и холодным. Большой палец лёг в старую выемку на боку — я сам выскоблил её ножом, когда пытался сделать коню седло.

Нужно было положить его в мешок. Других вещей от дома у меня не осталось.

Я постоял, держа коня на ладони, а затем поставил обратно на уцелевший камень фундамента.

— Не возьмёшь? — спросил Саня.

— Потом.

— Когда потом?

— Когда разберу здесь всё.

Саня усмехнулся, но промолчал.

До темноты я расчищал двор. Оттаскивал брёвна, складывал пригодные доски, собирал железо. Нашёл ведро, выправил вмятину камнем и принёс воду из колодца. Вода оказалась чистой, только пахла долго закрытой землёй. Я напился, умыл лицо и заметил на ладонях кровь: старые мозоли размокли, кожа лопнула.

Снег лежал в тени дома. Я посмотрел на белую поверхность, вспомнил правило и тщательно вытер руки о внутреннюю сторону шинели. Потом присыпал красные капли землёй.

Работа помогала. Пока я поднимал, перетаскивал и сортировал, не нужно было думать, почему не нашлось материнного имени. Не нужно было решать, куда идти завтра. У каждого обломка было место: целое — к целому, горелое — в костёр, железо — отдельно. Жизнь становилась простой, если делить её на небольшие тяжести и переносить по одной.

К вечеру я расчистил часть погреба и нашёл сухой угол, где можно было устроиться на ночь. Развёл возле фундамента огонь, повесил котелок и сел на старую ступеньку. Над деревней сгустились сумерки. Печные трубы чернели на фоне серого неба, река шумела за пустыми огородами, а с колокольни время от времени падали камни.

Свободное место у костра осталось справа.

— Устал? — спросил Саня.

— Нет.

— Врёшь.

— Значит, устал.

— Уже проще.

Я посмотрел на него. Саня сидел, вытянув ноги к огню. На нём была старая шинель, которую он носил в последнюю зиму, но лицо оставалось чистым, без копоти и крови. Таким я помнил его до взрыва. Или хотел помнить.

— Ты видел мать? — спросил я.

Саня перестал улыбаться.

— Нет.

Духи не лгут. По крайней мере, так говорили старики. Но я не знал, был ли Саня духом и спрашивал ли вообще кого-то, кроме себя.

— Значит, ушла, — сказал я.

— Может быть.

Я бросил в огонь доску. Пламя поднялось, осветило обгоревшую берёзу и два столба без калитки. На фундаменте краснел бок деревянного коня.

Ночь окончательно легла на деревню. Лес за рекой слился с небом, звёзды спрятались за облаками. Я уже собирался спуститься в погреб, когда заметил свет в крайнем доме.

Он горел там, где не осталось ни крыши, ни стен.

Сначала я решил, что это отражение костра. Но свет был тёплым и ровным, будто за целым окном стояла керосиновая лампа. Потом загорелось второе окно. Третье. По улице один за другим возвращались дома: слабые жёлтые прямоугольники возникали между печными трубами, возле церкви, у кузницы, за старой берёзой.

В одном окне прошла человеческая тень.

Я встал, а Саня исчез. Огонь трещал у моих ног, река шумела за огородами, а мёртвая деревня смотрела на меня десятками освещённых окон. Из темноты донёсся далёкий звон. Колокол лежал в снегу, но звонил.

Глава 3 - Остановившиеся часы

Колокол ударил ещё раз, и на этот раз звук пришёл отчётливо со стороны церкви, прокатился над пустыми дворами, задел обгоревшие трубы и ушёл к реке, где долго дрожал над чёрной водой. Он был глубоким и немного хриплым, каким я помнил его с детства: по праздникам этот звон будил всю деревню, пугал голубей на крыше и заставлял оконные стёкла тихо гудеть в рамах. Теперь колокол лежал возле разрушенной колокольни, наполовину занесённый почерневшим снегом, язык его был прижат к земле, однако звук исходил именно оттуда, и ошибиться я не мог.

Я взял винтовку раньше, чем успел подумать, нужна ли она мне. Движение получилось привычным, отработанным за годы до такой степени, что я осознал его лишь тогда, когда приклад уже лёг в плечо, дыхание выровнялось, а боль в ноге куда-то исчезла. Окружающие предметы словно приблизились: я видел каждую доску среди развалин, каждую тень между печными трубами, каждую ветку, колебавшуюся на ветру. Так война возвращалась в человека — не грохотом, не криками и даже не воспоминанием о смерти, а холодной ясностью, при которой всё вокруг делилось на укрытия, цели и расстояния.

В окнах продолжал гореть свет. Там, где всего несколько минут назад лежали мокрые брёвна и камни, проступали очертания домов, но не сами стены, а будто память о них: тёмные крыши, тонкие оконные рамы, знакомые крыльца и заборы. Сквозь эти очертания по-прежнему виднелись развалины, обгоревшие трубы и голые берёзы, поэтому деревня существовала сразу в двух временах. Ни одно не было до конца настоящим и ни одно не желало уступать другому.

На улице появилась женщина с коромыслом. Она прошла от колодца к дому Мироновых и скрылась за дверью, которой давно не существовало. Следом по дороге пробежала собака, и я узнал соседского Рыжего по белому кончику хвоста и привычке чуть заваливаться на левый бок. Он остановился возле нашего двора, поднял голову и посмотрел прямо на меня.

— Рыжий, — позвал я, опуская винтовку.

Пёс завилял хвостом, но не подошёл. За его спиной двигались люди: кто-то нёс охапку дров, кто-то закрывал ставни, кто-то торопливо снимал с верёвки бельё, пока не начался ночной мороз. Они не разговаривали, и всё же мне слышался негромкий гул голосов, звяканье посуды, скрип калиток и смех детей. Эти мирные звуки проходили сквозь шум реки и потрескивание моего костра, словно доносились через толстую стену.

Потом в окне нашего дома зажглась лампа.

Я сделал шаг, затем ещё один. Боль немедленно вернулась в левую ногу, однако я продолжал идти, уже не замечая ни грязи, ни проваливающегося под сапогами снега. Винтовка казалась ненужной, почти постыдной, поэтому я снял её с плеча и оставил возле костра. Чем ближе становился дом, тем отчётливее проступали знакомые подробности: третья ступень крыльца, которую отец собирался починить ещё до моего ухода, занавеска на кухонном окне, железная труба, возле которой зимой всегда протаивал снег. Стоило опустить взгляд, и я видел на месте дома развалины, но если смотреть немного выше, стены снова становились целыми.

За окном двигалась человеческая фигура.

— Мама? — позвал я.

Голос сорвался и прозвучал совсем чужим, жалким, как бывает у человека, который долго молчал, а потом попытался сказать слишком важное слово. Фигура остановилась, занавеска качнулась, и в глубине комнаты показалось женское лицо. Я не успел его рассмотреть. Свет дрогнул, дом потемнел, затем возник снова, но уже дальше, будто между нами за одно мгновение растянули несколько лишних шагов.

Я поднялся на крыльцо, забыл о том, что никакого крыльца больше нет, и нога провалилась между мокрых брёвен. Упав на колено, я ударился ладонью о камень. Боль была резкой,

настоящей, почти спасительной. На коже проступила кровь, и одновременно с этим погасло окно.

Один за другим начали исчезать остальные дома. Первыми растаяли дальние, стоявшие возле реки, затем погасли кузница и двор Мироновых, после них пропали огни возле церкви. Люди растворились вместе с домами, и улица снова стала пепелищем. Последним остался Рыжий. Он сидел посреди дороги, склонив голову набок, будто ждал, что я всё-таки позову его как следует, затем повернулся и побежал в темноту.

Я остался на коленях среди развалин, слушая, как с обгоревших брёвен капает вода. Колокол больше не звонил.

Рука дрожала, и я несколько секунд просто смотрел, как кровь собирается на ладони, прежде чем зажал порез краем рубахи. Несколько капель уже успели упасть на снег возле фундамента и лежали на белой поверхности яркими бусинами. Нельзя оставлять кровь на снегу — это правило было старше нашей деревни, старше церкви и, возможно, старше самой человеческой памяти. Старики никогда не объясняли, что именно случится, если его нарушить, говорили только, что лес помнит пролитую кровь дольше, чем имя человека.

Я собрал окровавленный снег ладонью, отнёс к костру и бросил в пламя. Огонь зашипел, на мгновение окрасился синим и сразу стал прежним. Наверное, причиной была вода, хотя в ту ночь я уже не хотел быть уверенным ни в чём.

— Насмотрелся? — раздался голос Сани.

Он стоял возле костра, протянув руки к огню, хотя при жизни почти никогда не мёрз. Даже в самую тяжёлую зиму умудрялся спать у края землянки, оставляя мне место возле печки, а утром ещё жаловался, что я всю ночь толкал его к выходу.

— Это была она? — спросил я, возвращаясь к костру.

— Смотря кого ты там увидел.

— Ты прекрасно понимаешь, о ком я.

Саня склонил голову, посмотрел на меня внимательнее и впервые за вечер перестал улыбаться.

— Ты лица не разглядел, Тихон.

— Я спросил, была ли это мать, а не видел ли я её лицо.

— А я откуда знаю?

— Ты мёртвый.

— Заметил всё-таки? А я думал, ты из вежливости молчишь.

— Не начинай.

— Я и не начинал. Это ты увидел свет в развалинах, схватился за винтовку и побежал домой. Хорошо хоть в окно не постучал, а то пришлось бы извиняться перед кирпичами.

Я сел возле огня и принялся обматывать ладонь полосой ткани, которую оторвал от внутреннего края рубахи. Саня опустил голову, на своё обычное место, подтянул колени и некоторое время молча следил за моими руками.

— Духи не лгут, — сказал я наконец.

— Возможно.

— Что значит «возможно»? Либо лгут, либо нет.

— Значит, возможно, духи и не лгут, только я не уверен, что ты сейчас разговариваешь с духом. Может, я тебе от одиночества мерещусь. Может, от болезни. Может, ты меня сам придумал, потому что больше не с кем спорить.

— Придумал бы кого-нибудь посговорчивее.

— Нет, это был бы уже не я.

Он улыбнулся, и мне почти захотелось улыбнуться в ответ. Почти.

— Если ты ненастоящий, зачем приходишь?

— Ты зовёшь.

— Я тебя не звал.

— Ртом не звал. Ты вообще ртом редко говоришь то, что нужно.

— А что нужно?

— Например: «Мне страшно, Саня. Я пришёл домой, а дома нет. Я не знаю, жива ли мать, и боюсь, что никогда не узнаю». Попробуй, слова несложные.

— Иди к чёрту.

— Вот видишь, когда хочешь, говоришь прямо.

Саня рассмеялся, вытянул ноги к огню и лёг, подложив ладони под голову. Я смотрел на него через пламя и думал, что смерть почти не изменила его привычек. Он лежал в старой шинели, которую носил в последнюю зиму, лицо оставалось чистым, без копоты и крови, а волосы снова были слишком длинными для солдата. Таким я помнил его до взрыва или, возможно, таким хотел помнить.

Мне хотелось спросить, больно ли ему было умирать, понял ли он, что произошло, и помнит ли человека, которого я приказал отпустить. Хотелось узнать, почему из всех погибших приходит именно он и не злится ли на меня за то, что произошло возле насыпи. Но я знал: стоит задать первый вопрос, и за ним придётся задать остальные, поэтому лишь подбросил в огонь сырую доску.

— Тебе не холодно? — спросил я.

Саня приоткрыл один глаз.

— Мне — нет. А ты зубами стучишь.

— Не стучу.

— Тогда это, наверное, колокол.

Ночевать в погребе я не стал. Расстелил шинель возле костра и просидел до тех пор, пока огонь не осел красными углями. Свет в деревне больше не появлялся, только перед рассветом мне почудился скрип нашей калитки, хотя сама она лежала в нескольких шагах от фундамента. Я не поднялся, не позвал мать и даже не открыл глаз. Если деревня хотела показать мне что-то ещё, ей следовало дожидаться утра.

Утро пришло вместе с дождём, мелким и холодным, почти невидимым. Он висел в воздухе, собиравшись на волосах и небритых щеках, стекал за воротник. Обгоревшие брёвна потемнели, земля размокла, по старой улице побежали ручьи, унося с собой золу. Там, где ночью стояли призрачные дома, снова лежали развалины, и никакого следа людей не осталось.

Я поднялся, осторожно разогнул ногу и несколько раз прошёлся по двору. Колено работало плохо, но держало, а порез на ладони оказался неглубоким, его следовало промыть, перевязать и забыть. Вместо этого я снова принялся разбирать дом.

Работа находилась сама, стоило только оглядеться. Нужно было укрепить вход в погреб, накрыть досками уцелевшие вещи, расчистить колодец и проверить печи в соседних дворах. Из разбитого сарая можно было собрать временный навес, из кузницы принести инструменты, а если поставить одну стену до лета, вторую до осени, то к зиме здесь снова появилось бы жильё. Я составил порядок работ и почувствовал облегчение: сначала погреб, потом колодец, затем крыша.

Планы всегда помогали, потому что в них время шло правильно. Одно дело следовало за другим, каждая вещь находила место, каждый час получал назначение. План не спрашивал, зачем человеку крыша, если под ней никто не ждёт.

К полудню я нашёл в развалинах лопату. Черенок обгорел, но железо сохранилось, и, укоротив ручку, я принялся отбрасывать землю от погреба. Левая нога скользила, ладонь саднила, дождь усиливался, однако я продолжал работать до тех пор, пока не пришлось снять шинель и расстегнуть воротник. От мокрой рубахи поднимался пар, словно от загнанной лошади.

Саня сидел на фундаменте и болтал ногой, наблюдая, как я в четвёртый раз перекладываю одну и ту же кучу камней.

— Хороший дом получится, — сказал он.

— Это пока погреб.

— Тем более. Если жизнь не сложится, будешь жить под землёй. Дёшево, тепло, до работы близко.

— Если молчать не умеешь, помог бы.

— Я бы с радостью, командир, только лопата одна.

— В кузнице была вторая.

— Ты её видел — ты и принеси.

Я выпрямился и опёрся на черенок. Саня улыбался той самой улыбкой, за которую на фронте ему прощали и опоздания, и плохо начищенные сапоги, и совершенно неуместные замечания перед боем.

— Удобно устроился, — сказал я. — Приходишь, сидишь, советы раздаёшь. Ни кормить, ни хоронить второй раз не надо.

Улыбка исчезла с его лица не сразу, и я понял, что сказал лишнее. При жизни Саня обязательно отшутился бы, но теперь он лишь посмотрел на меня, затем на свои ладони.

— Хоронить меня тебе и в первый раз не пришлось.

Я стиснул черенок лопаты.

После взрыва от него почти ничего не осталось. В братскую могилу положили шинель, сапог и жетон. Я стоял рядом, пока засыпали землю, но не мог отделаться от мысли, что хоронят пустое место.

— Прости, — сказал я.

Саня снова поднял голову.

— Надо же. Ещё одно простое слово выучил.

— Не порть.

— Даже не начинал.

Несколько мгновений мы молчали, слушая дождь. Потом Саня спрыгнул с фундамента и подошёл ближе, будто собирался всё-таки взяться за лопату.

— Ты ведь понимаешь, что дом так не строят?

— А как его строят?

— Обычно сначала решают, кто в нём будет жить.

— Я буду.

— Ты вчера в развалинах с винтовкой за мать гонялся, сегодня погреб откапываешь, а завтра что? Огород разобьёшь для людей, которых здесь нет?

— Люди могут вернуться.

— Могут. А ты?

— Что я?

— Ты вернулся?

Я ничего не ответил и снова вогнал лопату в землю. Под слоем грязи обнаружился камень, потом другой, а между ними застряла жестяная коробка. Пришлось отбросить инструмент и вытаскивать её руками. Крышка проржавела, однако поддалась.

Внутри лежали бумаги, завернутые в промасленную ткань: домовая книга, несколько писем, отцовское свидетельство о смерти и список жителей, вывезенных перед последними боями. Листы отсырели по краям, чернила местами расплылись. Я сел прямо на землю и начал читать, осторожно разделяя слипшиеся страницы.

Эвакуация проходила в два дня. Семьи отправляли на восток, к железной дороге, напротив некоторых фамилий стояли отметки о прибытии, напротив других — пустота. Материнское имя значилось в первом списке, рядом было написано: «Выбыла со второй подводой».

Больше ничего.

Я перечитал строку несколько раз, словно между буквами могло скрываться продолжение. Выбыла. Не погибла, не пропала, не добралась. Просто выбыла, будто ненадолго покинула комнату и обещала скоро вернуться. Под списком находилась приписка другим почерком: обоз попал под обстрел возле Чёрной речки, часть людей рассеялась по лесу, сведения уточняются. Дата была двухлетней давности.

Я сложил бумаги обратно и закрыл коробку. Саня сел рядом, но на этот раз не шутил.

— Пойдёшь искать? — спросил он.

— Где?

— Не знаю. Можно начать с Чёрной речки, потом проверить поселения вдоль железной дороги, церковные списки. Люди после обстрела могли разойтись куда угодно.

— За два года она могла оказаться на другом конце страны.

— Могла.

— Могла умереть в первом же лесу.

— Могла.

— Очень помогаешь.

— А ты хотел, чтобы я соврал?

Я провёл ладонью по крышке коробки, стирая налипшую землю.

— Скажи, что она жива.

— Не могу.

— Тогда скажи, что умерла.

— Этого тоже не знаю.

— Для чего ты вообще приходишь, если ничего не можешь сказать?

Саня долго смотрел на меня, и в его лице не осталось ни насмешки, ни привычной лёгкости.

— Чтобы ты не сидел один на пепелище и не спрашивал всё это у дождя.

Ответ был таким простым, что я не нашёлся, чем на него возразить.

Некоторое время мы сидели рядом среди развалин, слушая, как вода стучит по жестяной крышке. Потом Саня тихо спросил:

— Ты ведь не только её искать собрался?

— А кого ещё?

— Себя, наверное. Хотя звучит глупо.

— Потому что это и есть глупость.

— Конечно. Ты же никуда не пропадал. Вот сидишь, дом строишь.

Я посмотрел на расчищенный вход в погреб, на сложенные доски и инструменты. Можно было остаться, поставить навес, дожждаться лета и восстановить дом. Можно было расспрашивать редких проезжих, ходить по окрестным деревням, писать запросы в церковные архивы. Рано или поздно я узнал бы, что случилось с матерью, а если не узнал бы, всё равно нашлось бы дело: поправлять могилы, чинить дорогу, следить за лесом. Иногда сюда возвращались бы люди. Возможно, кто-нибудь снова поселился бы рядом. Я мог стать полезным.

Мысль была разумной, и именно поэтому показалась мне опасной. Я слишком хорошо умел оставаться там, где требовалась работа, особенно если работа позволяла не спрашивать, чего я хочу сам. Однажды это уже продлилось четыре года.

— Что мне делать? — спросил я.

— Не знаю.

— Ты всегда говорил, что знаешь.

— Я всегда говорил уверенно, это другое.

— И всё-таки?

Саня пожал плечами.

— Для начала перестань ждать, что тебе кто-нибудь назначит следующую жизнь. Армия закончилась, командир. Приказа не будет.

— Будь проще.

— Вот, — обрадовался он. — Научил всё-таки.

Я бросил в него комок земли. Тот пролетел через пустое место и ударился о фундамент. Саня рассмеялся, и на короткое мгновение мне стало легче, как бывало раньше, когда перед боем он рассказывал очередную бессмысленную историю и все сердились лишь потому, что боялись рассмеяться.

Дождь продолжался до вечера. Я закончил расчищать погреб, хотя уже решил, что второй раз ночевать здесь не останусь, затем сходил к могилам, поправил один из крестов и отнёс под навес разрушенной церкви жестяную коробку с документами. Если кто-нибудь вернётся, бумаги понадобятся ему больше, чем мне.

К сумеркам я собрал вещи. В мешок положил немного сухих щепок для растопки, найденную кружку, соль и остатки сухарей. Деревянного коня снова взял в руки. Он был лёгким, почти невесомым, и места в мешке занял бы немного.

Я представил, как понесу его с собой, достану через неделю или месяц и поставлю возле чужого костра, а потом, возможно, в чужом доме. Придётся объяснять, откуда он, кто его вырезал и почему у него нет одной ноги. Игрушка превратится в доказательство того, что у меня когда-то был дом, однако мне не хотелось никому ничего доказывать.

Я очистил плоский камень возле берёзы и поставил коня так, чтобы он смотрел на дорогу. Если мать вернётся, она его увидит. Если не вернётся, он всё равно останется дома.

Перед уходом я ещё раз обошёл двор, прикрыл досками вход в погреб и поднял с земли калитку. Повесить её было не на что, поэтому я просто прислонил её к уцелевшему столбу. Затем по привычке вытер сапоги о мокрую траву и только тогда окончательно понял, что ухожу, не зная куда.

Дороги было три. Восточная вела к станции, откуда я пришёл. Южная — к уцелевшим большим деревням и церковным постам. Северная тянулась вдоль реки, затем поворачивала в лес и через несколько недель должна была вывести к торговому тракту.

Я выбрал северную не потому, что там кто-то ждал. Скорее наоборот.

На окраине деревни я остановился возле старого кладбища. Отцовскую могилу нашёл не сразу: несколько деревьев упали, тропу занесло, крест покрылся мхом. Я очистил табличку, постоял рядом, но говорить не стал. День уже догорал, а мёртвых после заката нельзя называть полным именем.

Сняв часы, я положил их на ладонь. Крышка была вмята, стекло пересекала трещина, под которой неподвижно лежали стрелки — без семи минут четыре. Иногда я пытался вспомнить, что происходило за минуту до этого. Мы находились у насыпи, Саня говорил какую-то ерунду, а я смотрел на человека, которого утром приказал отпустить. На поясе у того висели гранаты. Потом Саня крикнул, и дальше память всякий раз обрывалась белым светом.

Я нажал на заводную головку. Механизм сопротивлялся, затем внутри что-то хрустнуло, секундная стрелка дрогнула, перескочила вперёд и снова замерла.

— Они сломаны, — сказал Саня, стоявший возле соседнего креста.

— Вижу.

— Тогда зачем заводишь?

— Проверяю.

— Каждый день?

— Не каждый.

— Каждый.

Я закрыл крышку.

— Однажды могут пойти.

— Могут, — согласился Саня. — Только тогда это будут уже другие часы.

Я хотел спросить, что он имеет в виду, но, подняв голову, никого не увидел. Между крестами двигался туман, мокрые ветви тихо постукивали друг о друга.

— Не хочешь — не надо, — сказал я то ли часам, то ли Сане.

Убрал их во внутренний карман, где они лежали напротив сердца, хотя давно ничего не отсчитывали.

Из деревни я вышел, когда начиналась ночь. Дождь прекратился, над рекой поднялся туман, и обгоревшие трубы одна за другой растворялись в серой пелене. На увале я обернулся. Никаких огней не было, лишь возле нашего дома белела старая берёза, а под ней, на камне, едва различался деревянный конь.

Первую ночь в дороге я провёл под навесом для сена. Заснуть долго не мог: нога ныла после работы, шинель оставалась сырой, тишина вокруг казалась слишком просторной. Раньше рядом всегда кто-нибудь дышал, ругался во сне, чистил оружие или просил огня, теперь же можно было вытянуть руку в любую сторону и никого не коснуться.

Я думал, что должен чувствовать свободу, однако вместо неё пришло ощущение, будто меня забыли на давно оставленной позиции. Саня не появился, и свободное место возле маленького костра до самого утра оставалось пустым.

На рассвете небо очистилось. Между облаками показалось солнце, лес наполнился звуками: с ветвей посыпалась вода, под снегом зажурчали ручьи, в зарослях закричали птицы. Дорога блестела впереди, похожая на длинную полосу тёмного металла.

Я затушил костёр, надел мешок и пошёл на север.

Через несколько вёрст возле развилки заметил следы. Кто-то вышел из леса, долго топтался возле столба, затем направился по той же дороге. Отпечатки были небольшими, каблуки узкими, шаг неровным. Человек несколько раз оступался, один раз упал на колено, потом поднялся и продолжил путь.

Женщина, решил я. Шла одна, без лошади и, судя по глубине следов, почти без поклажи. Леса не знала, потому что дважды сходила с дороги и возвращалась, хотя сворачивать там было некуда.

Я присел, потрогал край ближайшего отпечатка. Земля ещё не успела наполниться водой, значит, женщина прошла не больше часа назад. Если прибавить шаг, её можно было догнать до следующего поворота.

— Даже не думай, — сказал я себе.

Саня не ответил. Возможно, его рядом не было, а возможно, впервые решил послушаться.

Я выпрямился, поправил ремень винтовки и посмотрел на дорогу, уходившую между деревьями. За поворотом никого не было видно, только на мокрой земле один за другим темнели небольшие следы.

— Не моё дело, — произнёс я уже громче.

Лес промолчал.

Я пошёл следом, стараясь не прибавлять шаг.

Глава 4 - Царица

Женские следы долго держались середины дороги, затем начали метаться от одной обочины к другой, словно их хозяйка никак не могла решить, где идти суше. В одном месте она попыталась обойти лужу по прошлогодней траве, провалилась в рыхлый снег и вернулась обратно, оставив глубокий отпечаток ладони. Чуть дальше следы задержались возле поваленной берёзы, где из-под корней вытекал тонкий ручей. На влажной земле виднелись две небольшие вмятины от коленей — должно быть, женщина наклонилась напиться.

Я остановился возле ручья и осмотрелся. Молодые берёзы блестели после дождя, с еловых ветвей лениво падали капли, а над прогретой солнцем дорогой поднимался лёгкий пар. В лесу пахло прелыми листьями, сырой корой и землёй, впервые показавшейся из-под снега. Где-то далеко стучал дятел, ближе к реке перекликались птицы, человеческих голосов, лошадиного ржания и звона сбруи слышно не было.

Следовало продолжать свой путь. Женщина передвигалась самостоятельно, значит, в помощи пока не нуждалась. Если бы хотела, чтобы её нашли, не сходила бы в лес при виде каждого открытого участка и не старалась бы ступать там, где снег сохранялся дольше.

— Хорошо объясняешь, — заметил Саня, шедший рядом с заложенными за спину руками. — Ещё немного — и сам поверишь, что не идёшь за ней.

Я ответил, что дорога одна, а следы изучаю по привычке. Саня с готовностью согласился, хотя выражение его лица означало обратное, затем предположил, что, если женщина свернёт, мы, конечно, продолжим прямо.

Следы свернули через полверсты.

Они ушли вправо, на старую лесовозную дорогу, которой не пользовались несколько лет. Этот путь тянулся вдоль заболоченной низины и заканчивался у разрушенного моста. На сосне ещё сохранялась стрелка к торговому тракту, но дождь размыл надпись, и человек, не знавший местности, мог принять боковую дорогу за главную.

Я постоял у развилки, убеждая себя, что женщина вернётся, когда увидит мост. Весной вода поднималась быстро, однако дорога заканчивалась настолько очевидно, что заблудиться там мог только человек, совершенно не приспособленный к лесу. Саня напомнил, что именно такого человека мы и преследуем.

— Дойду до моста, покажу дорогу и вернусь, — сказал я.

— Я ничего не спрашивал.

— Зато подумал.

— Думать мне пока не запретили.

На боковой дороге стало холоднее. Солнце почти не проникало сквозь густые ели, снег под ними сохранял синеватую зимнюю плотность. Следы женщины постепенно укорачивались, возле подъёма она начала цепляться за ветки, а несколько молодых деревьев ещё покачивались. Я прибавил шаг, хотя нога немедленно отозвалась болью.

Первым донёсся её голос — не крик и не призыв о помощи, а негромкая, исполненная достоинства ругань. Женщина сообщила своему сапогу, что оставит его в лесу, если тот ещё раз с неё свалится, затем добавила, чтобы он не смел делать вид, будто случившееся было её виной.

Обойдя молодую ель, я увидел её возле поваленного дерева. Она сидела на стволе, вытянув одну ногу, и пыталась привязать подошву полосой ткани. Рядом лежал слишком маленький для долгого пути дорожный мешок. Тёмное шерстяное пальто когда-то стояло дорого и хорошо сидело по фигуре, но теперь правый рукав был разорван, подол покрыт засохшей грязью, а меховой воротник свалился от дождя.

Женщина была высокой и очень худой — не той естественной худобой, которую сохраняют столичные дамы прогулками и отказом от сладкого, а голодной, появляющейся после

многих дней плохой еды. Скулы заострились, под глазами залегли тени, на щеке темнела царапина. Тёмные волосы она кое-как спрятала под платком, однако несколько прядей выбились и прилипли к лицу. Выглядела женщина так, будто дорога уже несколько раз её победила, но сама она об этом ещё не знала.

Под моим сапогом хрустнула ветка. Женщина вскинула голову, выхватила из-под пальто маленький револьвер и направила его мне в грудь. Сделала она это быстро и без испуганного крика, хотя оружие держала неправильно: слишком высоко подняла плечо и сильно согнула кисть, поэтому при выстреле ствол ушёл бы вверх.

Она приказала мне остановиться и положить оружие на землю. Я остановился, но винтовку снимать не стал. Женщина напомнила, что держит меня под прицелом, и после короткой паузы добавила, что револьвер заряжен.

— Не уверен, — ответил я.

Её глаза сузились. Были они серыми или голубыми, издалека не разобрать, но смотрела женщина так, словно уже распорядилась расстрелять нескольких человек и теперь решала, достоин ли я стать следующим. Я объяснил, что курок не взведён, барабан стоит неровно, а на рукаве нет следов оружейного масла. Она невольно взглянула на револьвер, и этого оказалось достаточно.

Я протянул руку, предложив проверить оружие. Женщина спросила, с какой стати должна мне доверять, однако после недолгого молчания всё-таки передала револьвер рукоятью вперёд. Барабан оказался пуст.

— Где патроны?

— Закончились.

— Тогда зачем угрожали?

— Вы ведь этого не знали.

Я вернул ей оружие. Прятала она его с прежним достоинством, но револьвер зацепился за подкладку, и ей пришлось несколько раз дёрнуть пальто. После этого женщина спросила, следил ли я за ней. Я ответил, что шёл по оставленным следам, потому что она свернула к разрушенному мосту. Слова о неверной дороге она пропустила мимо ушей, заявив, что прекрасно знает, куда направляется.

Поднявшись с дерева, женщина сразу пошатнулась, но сделала вид, будто всего лишь проверяет перевязанный сапог. Сил у неё почти не осталось: рука слегка дрожала, дыхание было слишком частым, а лицо приобрело ту неподвижность, с которой люди стараются скрыть слабость.

Я показал направление к главной дороге и объяснил, что через три дня она выйдет к селу возле переправы. Однако село ей было не нужно. Она собиралась попасть в Рябиновку возле Каменного озера, где когда-то жила её бабушка Пелагея.

Я знал несколько деревень с таким названием, но ни одной возле Каменного озера. Когда я спросил, в какой стороне его искать и чья это земля, женщина отвечала уклончиво, а затем призналась, что бывала там только в детстве.

— Лес меняется, — сказал я. — Дороги исчезают, мосты смывает, деревни переносят. Если вы помните путь ребёнком, ваших ориентиров может больше не быть.

— Деревня есть.

Уверенность в её голосе была почти упрямой, однако имя бабушки она произнесла совсем иначе, чем всё остальное: осторожно и без приказной резкости. На мгновение передо мной оказалась не надменная столичная женщина, а потерявшийся человек, который держится за единственное знакомое место.

Саня прислонился к дереву и наблюдал за нами с явным удовольствием. Когда я посмотрел в его сторону, незнакомка тоже обернулась, однако увидела только мокрые ели.

— Здесь кто-то есть?

— Нет. Показалось движение.

— Лес опасен?

— Если не знать, куда идёшь.

Она окинула взглядом мою форму, винтовку и дорожный мешок, после чего спокойно решила, что я должен проводить её до деревни. Не попросила, а сообщила об этом как об уже принятом решении. Я уточнил, куда именно я должен вести женщину, которая не знает ни положения озера, ни сохранившейся дороги, но она лишь заметила, что мы всё равно идём на север.

— Вам неизвестно, куда иду я.

— Вам, судя по всему, тоже.

Я посмотрел на неё внимательнее. Усталость, голод и пустой револьвер не мешали ей держаться так, будто за ближайшими деревьями ждал караул. На шее под расстёгнутым воротником блеснула тонкая цепочка, которую она сразу спрятала. На правой руке оставалось кольцо с тёмным камнем, стоявшее, наверное, больше, чем всё моё имущество вместе с винтовкой.

Назвалась она Варварой Ковалёвой. Перед фамилией чуть помедлила, словно выбирала её среди нескольких возможных. Я спросил, не из Столицы ли она, и Варвара тут же насторожилась. Пришлось объяснить, что в деревнях редко требуют сложить оружие таким голосом, будто следом стоит вооружённая охрана. Варвара ответила, что когда-то охрана действительно была, но теперь все её сопровождавшие погибли.

— На войне? — спросил я.

— Война закончилась.

— Она не везде закончилась одновременно.

Варвара посмотрела на мою форму и негромко сказала, что для некоторых война вообще никогда не заканчивается. Последняя фраза относилась уже не к её погибшим спутникам, а ко мне, но спорить я не стал.

Саня тихо посоветовал дать ей сухарь. Я велел ему не вмешиваться, чем немедленно привлёк внимание Варвары. Она снова спросила, часто ли я разговариваю с теми, кого рядом нет. Я ответил, что лишь тогда, когда среди присутствующих не находится подходящего собеседника. Саня одобрительно присвистнул, а Варвара окончательно решила, что встретила либо сумасшедшего, либо деревенского грубияна.

Я снял мешок, достал половину сухаря и протянул ей. Варвара отказалась, заявив, что не просила помощи, хотя взгляд её задержался на хлебе чуть дольше, чем следовало. После этого она предложила деньги за еду и сопровождение, коснувшись кольца.

— Хотите отдать его первому встречному?

— Вы не первый встречный, а офицер церковной армии.

— Бывший офицер.

— Присяга бывшей не бывает.

— Бывает. Война закончилась во вторник.

Я добавил, что форма вообще мало говорит о порядочности человека. Варвара убрала руку от кольца, но от намерения нанять меня не отказалась. Мне пришлось объяснить, что путь до неизвестной деревни может занять несколько месяцев: весенние дороги размыты, переправы снесены, а по прямой через лес не пройти. Услышав это, она впервые по-настоящему испугалась, хотя почти сразу скрыла страх за привычным раздражением и повторила, что тем более нуждается в проводнике.

— Нет, — сказал я.

Она явно не ожидала отказа. Несколько мгновений Варвара смотрела на меня, словно предполагала, что я одумаюсь и исправлю допущенную ошибку. Затем спросила почему. Я ответил, что не знаю ни её, ни деревни и не собирался становиться проводником. На это Вар-

вара неожиданно рассмеялась — негромко и устало, но вполне искренне. Смех совершенно не подходил её строгому лицу и повелительному голосу.

— Как вас зовут?

— Тихон.

Она повторила моё имя, стараясь сохранить серьёзность, но уголки губ уже дрогнули. Потом всё-таки не удержалась и спросила, не нашлось ли имени потише.

Саня расхохотался. Я посмотрел на него, однако тот отвернулся к деревьям, притворяясь, что его чрезвычайно заинтересовали птицы.

— Нашлось, — ответил я. — Да вам не подошло, Царица.

Варвара сразу перестала улыбаться и потребовала больше её так не называть. Я заметил, что прозвище ей вполне подходит, особенно если она продолжит распоряжаться незнакомыми людьми. Варвара возразила: она не распоряжается, а предлагает работу. Пришлось напомнить, что сначала она приказала проводить её, затем решила, что мы идём вместе, и только потом предложила в уплату кольцо. Если всё это считалось просьбой, столичный язык за годы войны сильно изменился.

Она выпрямилась, и даже в рваном пальто, с перевязанным сапогом и пустым револьвером действительно стала похожа на царицу, которой сообщили о мятеже в дальней провинции.

— Хорошо, — произнесла Варвара после паузы. — Пожалуйста, проводите меня до деревни моей бабушки.

Просьба далась ей тяжелее, чем угроза оружием.

Я почти согласился. Достаточно было посмотреть на её дрожащие руки, голодное лицо и кое-как привязанную подошву, чтобы понять: одна она не дойдёт даже до ближайшего села. Оставлять её в таком состоянии было неправильно, а сама мысль о возможной беде уже начала превращаться во внутреннее обязательство.

Именно поэтому я снова ответил отказом.

Саня перестал улыбаться, но ничего не сказал. Варвара ещё некоторое время ждала, затем наклонилась, подняла маленький дорожный мешок и перекинула через плечо. Ремень попал на порванный рукав, она поморщилась, но быстро вернула лицу прежнее выражение.

Я объяснил, как вернуться на главную дорогу, и велел держаться северного направления до переправы. Варвара сухо поблагодарила. Проходя мимо, она пахла сырой шерстью, дымом и едва уловимыми дорогими духами, совершенно неуместными среди весеннего леса.

— Револьвер спрячьте глубже, — сказал я ей вслед. — Разбойник увидит оружие и решит, что у вас есть патроны. Потом расстроится.

— Благодарю за заботу.

— Это не забота.

— Разумеется.

Варвара скрылась за поворотом. Некоторое время я слышал её неровные шаги, хруст снега и шорох задетых веток, затем из-за деревьев донёсся голос. Сначала она сообщила, что ненавидит этот лес, после короткой паузы добавила сапоги, а ещё через несколько шагов причислила к ненавистным вещам деревенского идиота.

Саня стоял рядом и смотрел ей вслед с той довольной улыбкой, которая всегда предшествовала неприятному разговору.

— Понравилась, — сказал он.

— Тебе все нравились.

— Я не про себя.

Я ответил, что Варвара высокомерна, совершенно не подготовлена к дороге и лжёт почти в каждом ответе. Саня заметил, что для человека, которому она безразлична, я удивительно хорошо запомнил всё сказанное. Я не стал спорить, лишь поднял мешок и пошёл обратно к развилке.

Дорога на север лежала в той же стороне, куда направилась Варвара, однако я двигался медленно, позволяя расстоянию между нами увеличиться. Саня напомнил о сухаре. Я сказал, что она сама отказалась, но он предложил оставить хлеб на поваленном дереве. Варвара наверняка сочла бы это жалостью, а жалость, судя по её поведению, воспринимала тяжелее голода.

— Значит, не жалеешь? — уточнил Саня.

— Нет.

— Хорошо. Тогда вернёшься только тогда, когда она действительно попадёт в беду. Так будет гораздо разумнее.

Я остановился и посмотрел на него. Саня стоял посреди дороги, засунув руки в карманы шинели, и улыбался без всякой насмешки, словно заранее знал что-то, до чего я ещё не успел додуматься.

— За несколько вёрст человек не успевает попасть в настоящую беду.

— Конечно, командир.

— И перестань так меня называть.

— Как скажешь, командир.

Он пошёл вперёд, насвистывая старую походную песню, а я двинулся следом. Солнце клонилось к лесу, длинные тени пересекали дорогу, с северной стороны тянуло холодом. Где-то в глубине чащи прокричала птица, звук повторился дважды и внезапно оборвался.

До темноты оставалось несколько часов. Этого времени Варваре должно было хватить, чтобы выйти на главную дорогу и найти сухое место для ночлега. Я повторил эту мысль один раз, затем второй, а через полверсты поймал себя на том, что больше не слушаю Санину песню.

Я прислушивался, не раздастся ли впереди голос Варвары.

Глава 5 - Медведь

Выстрел раздался, когда я уже почти убедил себя, что Варвара добралась до главной дороги. Звук пришёл издалека, приглушённый лесом, но ошибиться было невозможно: короткий сухой хлопок маленького револьвера прокатился между деревьями и оборвался, не получив ответа. Птицы поднялись над елями, сделали несколько беспокойных кругов и снова скрылись в чаще, после чего лес вернул себе прежнюю тишину, только теперь она казалась настороженной.

Я остановился посреди дороги и прислушался, ожидая второго выстрела или человеческого крика. До развилки оставалось около версты, Варвара должна была находиться где-то впереди, если опять не свернула, а её револьвер был пуст — я сам открывал барабан и видел шесть тёмных гнёзд без патронов. Можно было решить, что стрелял охотник или кто-нибудь из путников, но человек, которому действительно требовалась помощь, часто успевал выстрелить только один раз.

Саня перестал насвистывать и напомнил, что я не давал Варваре никаких обещаний, а значит, могу спокойно идти дальше. В его голосе не было насмешки, и оттого становилось только хуже. Я сделал несколько шагов по направлению к развилке, снова остановился и вспомнил дрожащие руки Варвары, её порванный сапог и маленький мешок, в котором не могло находиться ничего необходимого для ночёвки.

— Она сказала, что патроны закончились.

— Значит, соврала, — ответил Саня. — Ты ведь сразу понял, что она умеет.

Я повернул обратно. Первые десятки шагов старался идти быстро, но не бежать, затем дорога изогнулась, лес скрыл развилку, и притворяться стало не перед кем. Левая нога сразу отозвалась болью, потому что ещё не восстановилась после работы на пепелище. Колено плохо сгибалось, сапог скользил на мокрых корнях, ремень мешка бил по боку, но я продолжал, помогая себе винтовкой на подъёмах. Саня держался рядом без всякого усилия и поинтересовался, зачем так торопиться, если я всего лишь хочу узнать причину Варвариной лжи. Я ответил, что у мёртвой спросить не получится, после чего он надолго замолчал.

До поваленного дерева я добрался быстрее, чем рассчитывал. Варвары там не было. На снегу сохранилось место, где лежал её мешок, рядом осталась полоса ткани, которой она привязывала подошву. Следы вели обратно к развилке, но не доходили до неё: через несколько сотен шагов женщина сошла с дороги в лес.

Она двигалась быстро, почти бежала, часто оступалась и цеплялась за ветки. Рядом с её следами сначала ничего не было, затем на влажной земле появился широкий смазанный отпечаток, а чуть дальше — ещё один. Медвежья лапа была крупной и глубоко продавila размокший грунт. Зверь ставил правую переднюю конечность неровно, на краю следа темнела кровь.

Я снял винтовку, проверил патронник и пошёл дальше, теперь уже стараясь не шуметь. Раненый медведь весной опаснее голодного, особенно если его подняли раньше времени или загнали люди. Судя по следам, зверь сначала шёл в стороне от дороги, потом пересёк путь Варвары. Она отступила, упала, поднялась и побежала в лес, сделав именно то, чего делать не следовало.

В нескольких местах снег был разрыт до земли, на молодой осине остались глубокие следы когтей. Возле корней лежала маленькая гильза, ещё сохранявшая тепло после выстрела, а значит, Варвара находилась близко. Я позвал её, однако лес не ответил. Ветер дул мне в лицо, приносил запах мокрой шерсти, прелых листьев и крови. Чем дальше я заходил, тем страннее становилась тишина: птицы исчезли, даже ручьи словно зазвучали тише, а между тесно стоявшими елями стелился редкий серый туман.

Следы вывели к неглубокому оврагу. Через него упала большая сосна, выворотив корни и подняв над землёй стену из мёрзлой земли. Возле этой стены стоял медведь — огромный, но такой худой, что под мокрой свалившейся шерстью проступали рёбра. На правой передней лапе затянулась проволочная петля, глубоко врезавшаяся в мясо. Обрывок проволоки волочился следом и цеплялся за корни. На плече темнела свежая рана от револьверной пули, слишком маленькая, чтобы остановить зверя, но достаточно болезненная, чтобы окончательно его разъярить.

Варвара стояла за вывороченными корнями. Подняться выше она не могла: сапог окончательно развалился, нога соскальзывала с мокрой земли. Пустой револьвер по-прежнему был зажат в руке. Она прижималась спиной к земляной стене, дышала открытым ртом и старалась не двигаться. На виске темнела кровь, однако серьёзных ран я не заметил.

Медведь поднялся на задние лапы, и тогда я крикнул. Зверь опустил и повернул голову, Варвара тоже посмотрела в мою сторону. На одно короткое мгновение в её лице появилось такое облегчение, что она сразу попыталась скрыть его за привычной строгостью.

Я велел ей не двигаться и стал медленно отходить в сторону, заставляя медведя повернуться следом. Убивать зверя не хотелось. Он был ранен людьми, измучен проволокой и, скорее всего, не преследовал Варвару, пока она не побежала и не выстрелила. Однако если он снова направится к ней, причина уже не будет иметь значения.

Подняв винтовку, я выстрелил в землю перед его лапами. Грохот ударил по оврагу, с деревьев посыпался снег. Медведь отшатнулся, взревел и развернулся ко мне, после чего сделал первый тяжёлый шаг. Проволока тянулась за ним, оставляя на снегу тонкую красную линию.

Я отступал медленно, стараясь увести зверя от поваленного дерева. Между нами оставалось около двадцати шагов — слишком мало для спокойного выстрела и слишком много, чтобы понять, решился ли он на бросок. Винтовка была направлена ему в грудь. Одного движения пальца хватило бы, однако я продолжал смотреть на проволочную петлю и вспоминал заграждения, оставшиеся по всему Приграничью. Люди ушли, война закончилась, а железо продолжало ловить всё живое.

Пяткой я нащупал корень в тот же момент, когда Варвара предупредила меня. Левая нога подогнулась, боль ударила под колено, и я едва не упал. Медведь рванулся вперёд. На прицеливание времени не осталось, поэтому я выстрелил рядом с его головой, целясь в толстую сухую ветку над оврагом. Пуля не перебила её полностью, но дерево треснуло, и под тяжестью мокрого снега ветка рухнула между нами. Зверь дёрнулся в сторону, а я успел перекатиться за ствол сосны и подняться на здоровую ногу.

Медведь ударил лапой по упавшей ветке, разбрасывая снег и щепки, затем снова повернулся ко мне. Я перезарядил винтовку, хотя ствол дрожал от боли в ноге. Теперь пуля вошла бы точно в грудь.

— Не заставляй, — сказал я.

Зверь тяжело дышал, из пасти шёл пар, маленькие глаза почти скрывались под мокрой шерстью. Лес вокруг оставался неподвижным, словно ждал нашего решения. Потом за моей спиной раздался сухой треск: Варвара выбралась из укрытия, подняла длинную ветку и ударила ею по стволу. Медведь повернул голову, на мгновение потеряв меня из виду.

Этого оказалось достаточно. Я отступил в сторону, освобождая зверю путь к чаще. Несколько мгновений он переводил взгляд с меня на Варвару, потом тяжело переступил через сломанную ветку и пошёл вдоль оврага. Проволока звенела, цепляясь за кусты. Один раз медведь остановился и оглянулся, затем исчез среди елей, хотя запах мокрой шерсти и крови ещё долго держался в воздухе.

Я не сразу понял, что продолжаю целиться в пустое место. Опустив винтовку, сделал вдох и почувствовал, как ослабла левая нога, поэтому пришлось опереться рукой о ствол. Варвара подошла ближе. Платок она потеряла, волосы рассыпались по плечам и запутались в ветках,

на виске была неглубокая царапина, ладонь ободрана, пальто порвано ещё сильнее. При всём этом она первым делом посмотрела на мою ногу и велела сесть.

Приказной тон сохранился, но теперь за ним слышался испуг. Я хотел напомнить, что не нуждаюсь в распоряжениях, однако колено снова подогнулось, и спорить оказалось неудобно. Пришлось опуститься на поваленный ствол и вытянуть ногу.

Варвара подошла ещё ближе, собираясь осмотреть старый шрам, но я остановил её и предложил сначала привести в порядок собственное лицо. Она открыла рот для возражения, потом неожиданно рассмеялась. Смех быстро оборвался, Варвара закрыла лицо ладонями и несколько раз тяжело вдохнула. Плечи задрожали. Я не понял, смеётся она или плачет, а потому отвернулся и занялся винтовкой, позволяя ей самой выбрать, чем считать эту слабость.

Саня сидел на другом конце ствола. Во время встречи с медведем он исчез, а теперь вернулся, как всегда появляясь после того, как помощь становилась не нужна.

— Узнал, зачем она соврала про патроны? — спросил он.

Я не ответил. Варвара опустила руки и поинтересовалась, опять ли я разговариваю с пустотой. Пришлось сказать, что всего лишь рассуждаю вслух, а затем показать найденную гильзу. Варвара призналась: один патрон она спрятала в кармане, опасаясь, что я заберу оружие, если увижу его заряженным.

План оказался разумным ровно до встречи с медведем. Пуля лишь ранила зверя и сделала его опаснее. Когда я указал на это, Варвара напомнила, что медведь уже шёл к ней и ждать дальнейшего развития событий она не собиралась. Спор быстро вернул ей привычную резкость, что было лучше дрожи и попыток скрыть слёзы.

Я достал чистую ткань, смочил водой и протянул Варваре. Она попыталась вытереть кровь, но только размазала её по виску, поэтому пришлось забрать ткань и самому очистить царапину. Варвара замерла, но не отстранилась. Вблизи она выглядела ещё более измученной: губы побелели, под глазами залегли глубокие тени, на коже выступил холодный пот.

На вопрос о еде она ответила уклончиво, а затем заявила, что ела сегодня, хотя не смогла вспомнить что именно. Я достал половину сухаря, которую уже предлагал ей возле поваленного дерева. На этот раз Варвара взяла хлеб без возражений и стала медленно жевать маленькими кусочками. Попыталась вернуть остаток, но я велел доесть всё, заверив, что у меня остаются запасы.

Саня посмотрел на почти пустой мешок, однако промолчал.

Пока Варвара ела, я осмотрел следы вокруг поваленной сосны. Проволока на лапе была частью военной растяжки, оставленной возле давно исчезнувшего укрепления. Медведь мог таскать её несколько недель. Вряд ли он вернётся, но оставаться поблизости не следовало, особенно после наступления темноты.

Вернувшись, я обнаружил Варвару возле открытого вещевого мешка. Она нашла последний сухарь и теперь держала его на ладони, глядя на меня без привычного превосходства. Обман оказался слишком очевидным: отдав ей еду, я сам остался почти без припасов. Варвара аккуратно завернула хлеб, положила обратно и затянула мешок.

— Зачем вы вернулись? — спросила она.

Самым простым ответом был выстрел, но Варвару он не удовлетворил. Она напомнила, что я отказался её сопровождать и назвал чужие неприятности не своим делом, однако после первого же звука побежал в лес. Я мог бы сослаться на офицерскую привычку возвращаться на выстрелы, и именно это сделал, хотя оба поняли, что ответ неполный.

Правда требовала признать: с того момента, как я увидел женские следы на дороге, я уже считал себя ответственным за то, куда они приведут. Неспособность пройти мимо однажды стоила Сане жизни, но даже после этого я не научился поступать иначе.

Варвара не стала добиваться продолжения. Она отвернулась к лесу и тихо поблагодарила меня. Когда я переспросил, то заявила, что мне послышалось, и снова стала прежней — надменной, раздражённой и потому живой.

Поднявшись, я попробовал перенести вес на левую ногу. Колено держало, но при каждом движении внутри будто поворачивался тупой осколок. До главной дороги можно было добраться, если идти медленно, а там следовало найти место для ночлега и решить, что делать дальше.

Варвара потянулась за своим дорожным мешком, но я забрал его и привязал поверх своего. Она возразила, напомнив о больной ноге, однако я указал на окончательно развалившийся сапог. Спорить Варвара могла долго, идти — едва ли, поэтому в конце концов протянула мне пустой револьвер, назвав это хотя бы небольшим облегчением поклажи. Оружие весило меньше сухаря, но я всё же убрал его в наружный карман.

Мы выбрались из оврага и направились к дороге. Варвара хромала из-за сапога, я — из-за колена, так что со стороны мы, вероятно, напоминали остатки плохо организованного отступления. Она держалась рядом, хотя узкой тропы хватало только одному, и несколько раз молча придерживала ветки, чтобы они не били меня по лицу.

Возле окровавленного снега Варвара остановилась и спросила, выживет ли медведь. От её пули он не умрёт, а вот проволока могла постепенно погубить зверя. Мы не имели возможности выследить его и снять петлю — раненый медведь уже однажды позволил нам уйти, второй раз мог не позволить. Варвара долго смотрела в сторону чащи, словно впервые задумалась, что последствия человеческой войны не заканчиваются вместе с последним выстрелом.

— Вы ведь могли его убить, — сказала она.

— Мог.

— Почему не убили?

Я посмотрел на красную линию, уходящую между деревьями.

— Он не виноват, что война закончилась раньше, чем убрали железо.

Варвара ничего не ответила и продолжила путь. Кажется, именно тогда она впервые увидела во мне не просто деревенского проводника, который грубит и разговаривает с пустотой, а человека, способного убить и сознательно отказывающегося делать это раньше необходимости.

До главной дороги мы добрались перед сумерками. Солнце уже спряталось за деревьями, снег приобрёл серый оттенок, низины наполнились туманом. Возле развилки стоял старый дорожный навес — три стены, прохудившаяся крыша и длинная скамья. Для ночлега место было плохим, но другого поблизости не имелось.

Я развёл огонь, снял сапог и осмотрел колено. Новых повреждений не обнаружилось, однако кожа вокруг старого шрама покраснела и распухла. Варвара сидела напротив, завернувшись в пальто, и делала вид, что не наблюдает.

Я сообщил, что утром мы пойдём к ближайшему поселению, где можно будет найти обувь, еду и человека, знакомого с дорогой к Каменному озеру. Дальше наши пути снова должны были разойтись. Варвара выслушала это спокойно, а затем спросила, означает ли сказанное, что я всё-таки согласился её сопровождать.

Можно было назвать наше попутничество разумной предосторожностью, временной необходимостью или обыкновенной дорогой в одну сторону. Но после того как вопрос прозвучал, между нами появилось слово, которого я избегал.

— До поселения, — сказал я.

— Это обещание?

Я посмотрел на огонь. Саня сидел на оставленном для предка месте и ждал ответа без улыбки. Обещание было простой вещью, всего несколькими словами, однако я слишком хорошо знал, что произойдёт после: чужая дорога станет моей, чужая опасность перестанет быть чужой, а повернуть в сторону уже не получится.

— Обещание.

Варвара протянула к огню руки. На одном пальце блеснуло дорогое кольцо, затем она сжала ладонь и спрятала его от света. Над дорогой поднимался туман, лес шумел ровно и спокойно, а где-то далеко, за несколькими рядами тёмных елей, раненый медведь тащил за собой оставленную людьми проволоку.

Война закончилась во вторник.

Лес об этом ещё не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.